

✦ МАРИНА ВЕТРОВА ✦

РАЗВОД С ПРЕДАТЕЛЕМ.

Ты украл не ту женщину!

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

Марина Ветрова

**Развод с предателем. Ты
украл не ту женщину!**

«Автор»

2026

Ветрова М.

Развод с предателем. Ты украл не ту женщину! / М. Ветрова —
«Автор», 2026

Пятнадцать лет я строила нашу семью. Двое детей, роскошная квартира, успешный бизнес. А однажды услышала, как муж обещает любовнице новую жизнь без меня. Но измена оказалась только началом. Дмитрий украл мои архитектурные проекты, вывел семейные миллионы и объявил меня сумасшедшей. А потом забрал детей, уверенный, что я соглашусь на любые условия ради встречи с ними. Он предложил сделку: молчание в обмен на право быть матерью. Только мой муж забыл, кто проектировал его дома, системы безопасности и бизнес-империю. Теперь у меня есть доказательства, опасный союзник и план. Я верну детей. Заберу всё, что принадлежит мне. А предатель заплатит за каждую украденную слезу.

© Ветрова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Марина Ветрова

Развод с предателем. Ты украл не ту женщину!

Глава 1

Букет белых лилий лежал на полу у входной двери, возле моих тапочек. Я остановилась на пороге: кто-то побывал здесь без меня.

Цветы лежали поперёк прохода. Придётся ещё и воду с пола вытирать — стебли были мокрые. Я сама выбирала эту плитку для «Гранд-Парка», и пятно на ней видно с любого угла. Глупо думать о плитке, когда тебе принесли лилии. Но кто принёс? Дмитрий знал, что я их не люблю: потом вся квартира пахнет цветочным магазином. Он бы хоть вазу достал.

Может, курьер ошибся? Тогда почему букет внутри, а не у соседской двери? Тима мог спрятать подарок для меня — в семь лет сюрприз важнее повода. Лиза, наоборот, оставила бы ироническую записку. Ни одного убедительного объяснения. Я подняла лилии за бечёвку и понюхала. Сквозь цветочный запах пробивался сладкий парфюм. Кто-то держал их прижатыми к себе, прежде чем бросить у моих тапочек.

Раздвинула стебли. Ни записки, ни открытки — даже чека, по которому можно найти отправителя.

На телефоне было приложение HomeSecure. Два года назад Дмитрий настоял на камерах: дети, безопасность, хорошие соседи всё равно не повод доверять. Я тогда смеялась. Сейчас открыла архив, которым почти не пользовалась. Вход в подъезд, наша площадка — всего две камеры. Если цветы принесли домой, на одной из них остался человек.

Экран загрузки замер на 98%. Сервер завис.

— Черт, — выдохнула я вслух. Голос прозвучал хрипло, непривычно громко в тишине квартиры.

К утру надо было довести презентацию парка Горького. Инвесторы Дмитрия любили картинки; расчёты им показывали уже потом, когда они соглашались. Я оставила слайды открытыми и наклонилась к роутеру. Отключила питание, посчитала до десяти. Красная лампочка погасла, потом загорелась зелёная. Попробуем ещё раз. Уйти спать рядом с непонятным букетом всё равно не получится.

Отроутерила — как дети говорили про мои попытки починить интернет. Теперь видео открылось. Я поставила нужное время: 18:42. Стекло у входа было мокрым, лицо человека расплылось. На плечах тёмное пальто. Курьеры обычно поднимаются в куртках с логотипом; здесь никакого логотипа не увидела. Перемотала на десять секунд назад. Фигура опять прошла по самому краю.

У записи оказался включён звук. Я никогда его не слушала — к чему мне подъездные разговоры? Но размытую фигуру по пальто не узнать. Поднесла телефон ближе к уху: вдруг человек называл квартиру курьеру. Внизу экрана белел значок динамика. Я коснулась его.

Тишина. Шум дождя. Хруст гравия под колесами машины.

И вдруг голос. Низкий, бархатный, знакомый до дрожи в коленях.

— Ты права, Полина. Это лучшее место. Тишина, приватность...

Прибавила громкость. Дмитрий. Он так смеялся над моими шутками в первые годы, ещё до детей. Сейчас я могла сколько угодно пытаться его рассмешить — получала короткое «угу» в телефон. Женщине на записи он ответил сразу. Я подперла локоть, чтобы телефон не качался, и ждала, назовёт ли её ещё раз.

— А она? — женский голос, молодой, с хрипотцой. — Она ничего не заподозрит?

— Марина? — Дмитрий произнес это имя с легким презрением, смешанным с жалостью. — Она слишком занята своими чертежами и вечной тревогой за детей. Она видит то, что хочет видеть. Или то, что ей показывают.

Держала телефон, упершись локтем в стену. Повернуть голову к детям не решалась: они могли выйти в любую минуту. Дмитрий говорил обо мне, а я стояла и слушала, как чужая. На объектах такое бывало — подрядчик объяснял всем, что архитектор ничего не понимает, не замечая меня за спиной. Тогда я вмешивалась. Здесь пока слушала.

Запись продолжилась.

— Я уже снял нам квартиру на Патриках. Двухуровневую, с террасой. Там будет тихо. Мы сможем начать жизнь с чистого листа, Полин. Без балласта.

«Без балласта». Я посмотрела на Тимины тапочки у двери. Он вчера ныл, что синие больше не хочет, ему нужны с динозаврами. Вот этот мальчик — тоже балласт? Или детей Дмитрий собирался взять с собой, а меня оставить? Запись ничего не объясняла. Хотелось спросить у неё, у женщины в телефоне: ты понимаешь, что он сейчас обещает?

На записи щелкнул замок домофона. Шаги удалились. Дождь усилился.

Я стояла посреди прихожей, держа в одной руке букет чужих лилий, а в другой — телефон, доказывающий предательство. Бечёвка врезалась в пальцы. Я перестала чувствовать запах цветов и снова нажала воспроизведение: вдруг расслышала неверно. «Без балласта» прозвучало второй раз.

Ключ повернулся в замке.

Звук металла о металл резанул слух. Я вздрогнула, но не подняла головы. Дмитрий вошел, стряхивая капли с дорогого зонта. От него пахло дождем, дорогим виски и... теми самыми духами. Сладкая ваниль. Полины.

Он увидел меня. Улыбнулся своей дежурной, обаятельной улыбкой, которая всегда работала безотказно.

— Ты чего не спишь, моя королева? — спросил он, проходя мимо меня вглубь гостиной. Его голос был нормальным. Спокойным. Живым.

Он не спрашивал, откуда цветы. Просто пришёл, увидел меня в прихожей и сказал привычное ласковое слово. За пятнадцать лет я научилась отвечать на него. Сейчас молчала, и даже это он пока не замечал.

Дмитрий подошел ближе, протянув руки, чтобы обнять меня. Я почувствовала запах его кожи, теплого и знакомого, и меня замутило. Физическая реакция тела оказалась быстрее сознания. Я резко отстранилась, делая шаг назад.

— Устала, — сказала я. Голос звучал чужим, механическим.

Он остановился, удивленно приподняв брови. Осмотрел меня внимательнее, пытаясь найти причину моего напряжения.

— ПМС? — предположил он, и в его тоне скользнула насмешка. — Или опять проект горит? Давай, рассказывай, скучный день был?

Дмитрий рассказывал про совещания и пробки, жаловался на начальство. Я кивала там, где обычно кивала. Про начальство он говорил всем — так звучало скромнее, чем «партнёры требуют». На записи, перед Полиной, он никому не подчинялся. Сейчас даже зевнул: усталый муж пришёл домой. Я сжала бечёвку, чтобы не ответить ему голосом из домофона.

На нижней губе была трещинка. Утром я заметила её и хотела положить ему в карман свой бальзам. Вот до какой мелочи я продолжала заботиться о нём. Он говорил, а я считала, сколько раз сегодня могла позвонить ему, рассказать про презентацию, пожаловаться на головную боль. И всё это — после того, как он уже выбрал террасу для них с Полиной.

Дмитрий развернулся и направился в ванную комнату.

— Иди спать, Марин, завтра презентация важная, не хочу, чтобы ты выглядела уставшей, — бросил он через плечо.

Дверь ванной закрылась. Через секунду за ней зашумела вода.

Возле ноутбука засветился телефон Дмитрия. Он оставил его на столе. Повернулась к ванной: вода ещё шумела. Можно было прочесть уведомление.

Экран вспыхнул уведомлением. Сообщение от контакта «П.» (без имени, только буква).

Жду тебя в машине. Скучаю.

Уведомление ещё висело на экране. Если коснусь, потребует пароль — или сразу откроет чат? Мне нужно было знать, что за буквой «П.», но больше хотелось, чтобы там оказался кто-то другой. Разрешила себе десять секунд постоять. Из ванной шумела вода. Потом взяла свой телефон и направила камеру на его экран.

Чужой телефон я не тронула.

Вместо этого я сфотографировала экран его телефона своим. Отправила снимок на защищенный облачный сервер, доступ к которому имела только я. Затем быстро, не дыша, перешла в настройки домофона и сохранила аудиозапись разговора в отдельную папку. Назвала файл «Доказательство_01».

Проверила отправку. Снимок загрузился, аудио тоже.

Вода продолжала шуметь. Он скоро выйдет и спросит, почему я всё ещё здесь. Я убрала телефон в карман.

Он оставил мне запись. Сам.

Раньше эту систему выбирали ради детей. Сейчас я сохраняла в ней голос их отца.

Я поставила лилии в раковину: не хотела видеть их завтра за завтраком. Слайды оставались открыты на ноутбуке. Там Дмитрий был заказчиком; здесь — мужем, которому я больше не могла доверить даже свой телефон. До утра нужно было сохранить файлы и сделать вид, что ничего не случилось.

Слайды никуда не делись. Дети спали. Завтра нужно было встать, накормить их, отвезти в школу и провести презентацию. Я записала эти четыре дела на листке возле ноутбука. Пятое пока боялась записывать.

Вода выключилась. Я погасила экран.

Глава 2

Утро началось с запаха чужого кофе.

Дмитрий застёгивал пальто и всё время смотрел на часы. Наклонился, поцеловал меня в макушку. Пахнуло кофе с корицей. Дома я такой не варила: он сам годами просил без всяких добавок. В раковине стояла его кружка. Значит, корицу он принёс или достал сам. Я могла спросить об этом так, как спросила бы вчера. Даже приготовила слова: «Ты же корицу терпеть не можешь».

В кармане завибрировал телефон. Дмитрий достал его, прочитал уведомление и прижал экран к пальто.

— Кто звонил? — вопрос повис в воздухе, острый и тонкий, как игла.

Спросила и сразу пожалела. Он ответит про работу, а мне придётся притвориться, что верю. Пока не собрала остальные документы, терять его доверие нельзя.

— Ничего важного, родная. Партнеры. Знаешь же, эти ребята любят писать в семь утра, — Дмитрий улыбнулся той самой улыбкой, которую я считала своей защитой ещё недавно.

Когда дверь закрылась, я взяла его кружку и подставила под воду. Пальцы подрагивали, фарфор ударился о край раковины. Я тут же проверила — нет ли скола. Вчера вечером услышала, как муж обещает другим жизнь без меня, а теперь берегу его любимую чашку. Поставила её обратно, невымытую. Пусть сам. Хотя знала: вечером всё равно вымою, дети могут нечаянно взять.

После утренней презентации я вернулась в офис. Здесь могли заметить ошибку в моём чертеже; синяки под глазами никого не удивляли.

В обед я сидела в переговорной, глядя на презентацию нового ЖК «Золотые Ворота». Проект висел на экране огромными буквами: «Инновационное зонирование для семейного досуга». Коллега из отдела маркетинга, Витя, постучал ручкой по столу.

— Марина, ты видела? Дима снова всех порвал. Этот проект — прорыв. Чистая эстетика и функциональность. Где он такое взял? У нас в архиве ничего похожего нет.

Моя кровь застыла в жилах.

Дорожку на слайде я согнула так, чтобы коляска проходила между деревьями без вырубки. Витя показывал её лазерной указкой. Я знала и то, чего на слайде не было: запасной проход, который трижды переделывала из-за уклона. Год назад показала Дмитрию этот черновик на кухне. Он налил мне коньяка: «Красиво, детка. Жаль, инвесторам не зайдёт. Слишком мягко». Теперь именно эту мягкость продавали как прорыв.

На слайде стояло его имя. Я проверила угол, где обычно пишут автора. Моего там не было.

Хотелось сказать Вите: убери указку, там моё имя должно стоять. Но я сидела между коллегами, перед большим экраном, на котором уже улыбался Дмитрий. Если сейчас встану, с меня потребуют файлы и даты. Черновики с ноутбука исчезли; я уже искала их. Я положила ладони под стол, ногтями к коленям. Сначала заберу эту презентацию. Потом решу, кому показывать свою.

Телефон в кармане блузки завибрировал. SMS от Дмитрия.

«Спасибо за вдохновение, родная. Ты всегда знаешь, что мне нужно».

В сообщении было «родная». Только что коллеги хвалили его за мой чертёж, а он благодарил меня. Я сохранила текст, прежде чем удалить из чата. Кому отправить, решу потом.

Я удалила сообщение. Не ответила. Просто закрыла глаза и представила, как буду доказывать авторское право в суде. Позже. Сейчас — игра.

Вечер стал испытанием на прочность.

Семилетний Тимур сидел на полу гостиной, пытаясь починить сломанный пульт от приставки. Детали рассыпались вокруг него, как осколки стекла.

— Мам, помоги! — позвал он, и в его голосе была та детская беспомощность, которая обычно вызывала во мне прилив нежности.

Тимур рассыпал детали вокруг дивана. На обивке темнело пятно сока; обычно я принялась бы ворчать про стакан на ковре. Сейчас могла сорваться гораздо хуже. Лиза сидела в наушниках, но смотрела на меня, а не в телефон. Значит, всё-таки заметила, что со мной что-то не так. Я подвинула ногой половинку пульта и ответила сыну.

— Почини сам, Тимур. Я занята, — бросила я резче, чем следовало.

Тимур вздрогнул. Его нижняя губа затряслась.

— Ты всегда такая... странная, — прошептала Лиза, снимая один наушник.

Тимур смотрел на разобранный пульт, а не на меня. Так он делал, когда старался не заплакать. Я хотела сесть возле него и сказать, что дело не в нём. Вместо этого стояла у дивана. Даже простое «прости» не выговаривалось. Лиза сняла второй наушник. Теперь оба ждали, что я сделаю. Я собиралась присесть, но дверь открылась: Дмитрий вернулся.

Дмитрий сел возле сына, подобрал половинки пульта. Тимур сразу подвинул к нему батареи. Вот и всё: папа умеет, мама злая. Я стояла над ними, подбирала слова извинения, а он уже защёлкнул корпус и попросил проверить. На экране телевизора появился значок громкости.

— Ну что ты, малыш, давай вместе, — его голос был бархатным, успокаивающим. Идеальным.

Он поднял голову, положил мне ладонь на плечо. Лиза смотрела. Дмитрий видел, что смотрит, и продолжал держать — теперь мне следовало оценить заботу.

— Ты переутомилась, Марусь. Тебе нужен отдых. Отдых и тишина.

Если бы я услышала это со стороны, решила бы: хороший муж, бережёт жену. Лиза тоже смотрела на него. Он погладил моё плечо так, чтобы она видела, и ещё раз сказал про тишину. А ночью перед подъездом я ему мешала даже своей тревогой за этих детей. Нужно было улыбнуться, чтобы дети не испугались. Я не смогла.

Ночь не принесла сна. Дмитрий уснул сразу, тяжело дыша, раскинув руки на кровати. Я лежала, глядя в потолок, слушая шум кондиционера.

Лежать дальше не могла. В кабинете он оставил ноутбук. Лучше проверю сейчас, пока не проснулся.

Я встала. Босые ноги холодили паркет. В кабинете, который Дмитрий называл своим «штабом», горел ночник. Его рабочий ноутбук лежал на столе, открытый. Пароль был известен мне с первого дня брака — дата нашего знакомства. Он сменил код на телефоне, но пароль ноутбука оставил прежним. Он никогда не воспринимал угрозу со стороны тех, кто жил с ним под одной крышей.

Села и подвинула клавиатуру. Пароль прошёл с первой попытки. Почти обидно: я набралась мужества, а он даже не думал, что стану проверять. Хотелось найти объяснение — хотя бы переписку, где он отменяет всё сказанное Полине. Нелепая надежда. Всё равно открыла браузер.

В истории не было ничего. Ни вчерашнего маршрута, ни поиска квартиры. Он удалял её сам: на соседней вкладке оставалась страница деловых новостей. Я посмотрела дату последнего файла в загрузках. Если чистил историю, мог забыть про файл. Открыла папку.

Но взгляд упал на папку «Загрузки». Там был единственный файл.

«Брачный_контракт_черновик_v2.pdf».

Дата создания: сегодня, 06:50 утра. То есть за десять минут до того, как он поцеловал меня в макушку.

Я открыла свойства файла ещё раз. Сегодня, 06:50. Ни старый архив, ни забытый документ. Брачный контракт? Мы не подписывали никаких контрактов пятнадцать лет. Зачем ему обновленная версия черновика утром? Что он планировал изменить? Раздел имущества? Алименты? Условия ухода?

Свойства закрыла, файл пока не тронула. Если открою, увижу, что именно он собирается мне предложить. Сначала спросить у него? Вдруг объяснит сам. Я отвернулась от экрана, потом вернулась к названию. Переписала на лист — хоть это сделаю прежде, чем попытаюсь поверить ещё раз.

Глава 3

С утра на кухне было серо. Я включила над плитой лампу; Дмитрий ел, листая новости на планшете. Омлет готовила по привычке. Пока разбивала яйца, раза четыре повторила про себя название вчерашнего файла. Теперь можно было спросить без ошибки.

Дмитрий уже завтракал, читая новости на планшете. Он выглядел свежим, отдохнувшим, довольным собой.

— Доброе утро, солнце, — сказал он, не поднимая глаз.

Я поставила перед ним тарелку с омлетом. Села напротив.

— Я убиралась в кабинете, — начала я ровным голосом, стараясь, чтобы он не дрожал. — Открыла твой ноутбук. Там лежал файл. «Брачный контракт_черновик_v2.pdf». Создан вчера утром.

Вода капала из крана. Я ждала ответа, не глядя на него.

Дмитрий отложил планшет на пустой стул. Попросил соль, хотя она стояла возле его локтя. Я придвинула солонку. Он потёр висок: так делал, когда не хотел начинать разговор. Я ждала. В этот раз за него объяснение придумывать не буду.

— Ах, это, — он махнул рукой, будто отгонял муху. — Бюрократия, родная. Юристы требуют обновить документы для новых инвестиций. Структура холдинга меняется, нужно перестроить активы. Ты же знаешь, я ненавижу эти бумаги. Это чисто технический момент, никакого отношения к нам лично.

Он встал, обошел стол и обнял меня. Крепко. Пахнул тем самым кофе с корицей.

— Не думай о таких скучных вещах. Все хорошо. Мы семья. Все под контролем.

Он обнял, а я держала руки на столе. Так близко обычно было легче: можно прижаться лицом к рубашке и перестать думать. Почти прижалась. Потом вспомнила цифры 06:50. Обновлять документы можно без меня? Он не попросил подписи, даже не сказал, когда обсудим. Отстранилась достаточно, чтобы достать свою чашку.

Я запомнила название холдинга. Объятие не отменяло того, что он готовил документы, не сказав мне ни слова.

Вечером я готовила ужин. Рис с овощами. Простое, безопасное блюдо. Дмитрий вернулся поздно, уставший, голодный.

Мы ели в относительной тишине. Лиза ушла делать уроки к бабушке (это была наша договоренность на выходные), Тимур играл в своей комнате. Остались только мы двое.

Я открыла холодильник, чтобы достать воду. И замерла.

На средней полке, среди банок с йогуртами и контейнеров с соусами, стоял пластиковый коробок с недоеденными роллами. Суши. С лососем и угрем.

Я никогда не покупала суши. Мы оба ненавидели рыбу. Дмитрий говорил, что запах рыбы портит аппетит, а я считала это блюдом не для дома, а для ресторанов. Курьер не мог оставить это здесь — дверь была заперта.

— Что это? — спросила я, доставая контейнер.

Дмитрий поднял глаза от телефона. Лицо его не изменилось. Никакого замешательства. Никакой попытки спрятать улику.

— А, привез с обеда, — равнодушно ответил он. — Встречался с подрядчиками. Было жалко выбрасывать. Голод не тетка, Марин.

Контейнер оставался у меня в руке. Дмитрий даже не спросил, почему я удивилась. Он говорил «голод не тетка», а ведь раньше отодвигал тарелку, если я резала лосось для гостей. Что он ожидал? Что я забыла? Или что сама найду объяснение, удобное для нас обоих: подрядчики,

обед, ничего особенного. Я закрыла крышку, придавив её большим пальцем. Она защёлкнулась громче, чем хотелось.

«Было жалко выбрасывать».

Он снова смотрел в телефон. Доедал рис, который я готовила для него. Контейнер можно было убрать обратно — и ужин продолжился бы. Я оставила его на столе между нами. Дмитрий ни разу туда не посмотрел. «Было жалко выбрасывать». Значит, еду ему жалко. На моё лицо за весь ужин он взглянул один раз.

После ужина вымыла посуду, убрала контейнер. Дмитрий вышел из ванной. Я хотела уйти с кухни раньше него, но он остановился возле стола.

Дмитрий прошел мимо, направляясь в спальню. В руках он держал ключи от машины. Он небрежно швырнул их на кухонный стол.

Звяк.

Металлический звук прозвучал в тишине как выстрел.

На ключах не было деревянного медведя. Мы делали его на мастер-классе к первой годовщине. Получился косолапый, с одним ухом выше другого. Дмитрий тогда сказал, что так и оставит, не будет покупать нормальный брелок. Пятнадцать лет носил. Сейчас снял. Я перевернула ключи, надеясь, что медведь просто спрятался за ними.

Сегодня на месте медведя болтался гладкий, холодный металлический кругляш. На нем был выгравирован логотип.

Отель «Ritz-Carlton».

Я узнала этот дизайн мгновенно. Я видела его в рекламе люксовых номеров, которую Дмитрий показывал мне полгода назад, обсуждая инвестиции в гостиничный бизнес. Но тогда это были просто картинки. Теперь это была реальность.

Позавчера он сказал, что был на даче с партнерами. Без связи. Без интернета. «Для перезагрузки», сказал он.

А брелок с логотипом отеля, который находится в центре города, в двадцати минутах езды от нашей квартиры, висел у него на ключах.

Ушёл в спальню. Я могла крикнуть вслед, где медведь, — вполне обычный вопрос. Но если спросить, придётся объяснять, почему держу его ключи и что знаю про отель. Положила связку точно туда, куда он бросил. Мне нравилось помнить о нашей первой годовщине. Видимо, теперь это занятие только для меня.

Контейнер уже убрала. Смотрела на брелок. Где теперь деревянный медведь? Он снял его, не сказав мне. Хотелось найти хотя бы эту вещь, которую делали вместе.

Брелок ещё ничего не доказывал: его можно купить или получить на деловой встрече. Но деревянного медведя он снял сам.

Завтра я проверю, что осталось на его ноутбуке. Спрашивать про отель больше не стану.

Дмитрий оставил телефон на кухне. Уехал час назад и ещё не вернулся за ним. Я сначала обходила стол, как будто там лежала его рука и он мог меня схватить. Потом села. На чёрном стекле отражалась люстра, а моё лицо видно было только в самом нижнем углу. Повернула аппарат к себе. Ни звонка, ни нового сообщения. Ну же. Когда мне не нужно, ты звенишь каждые пять минут.

Повернула экран к себе. Камера, конечно, меня не узнала; телефон запросил код. Дмитрий поменял его три месяца назад. Я ещё дразнила: боишься, что полезу в банковское приложение? Он смеялся вместе со мной. Подняла аппарат, положила обратно. Без кода внутрь не войти. Но сообщения могли появиться и на закрытом экране, он не прятал уведомления. А на ноутбуке оставлял сеансы открытыми. Потянулась к барной стойке.

На ноутбуке Дмитрия открыла веб-версию мессенджера. Страница попросила подтвердить вход. Я не закрыла её. Телефон лежал рядом, засветился: код. Прочитала цифры вслух

шёпотом, чтобы не забыть, и перенесла на клавиатуру. Первая попытка — ошибка. Перепутала две средние цифры. Посмотрела ещё раз, ввела. Пока кружок загрузки вертелся, прислушивалась к лифту за дверью. Если муж вернётся за телефоном, крышку ноутбука успею закрыть. А что потом скажу — не придумала. Кружок исчез. Чаты. Я пробежала названия: школьные родители, доставка, подрядчики. Ничего нового; многие видела на его экране, когда сидели рядом в машине.

Открыла «Р». На последней странице было только «до завтра», «буду ждать» и благодарность за встречу. Переписка могла быть рабочей. Я уже почти обрадовалась, когда нашла выше золотое кольцо. Дмитрий написал: «Жду не дожусь примерить на тебя это». Зазвонил мой телефон. Лиза. — Мам, я у ворот. Папа сказал, заберёт раньше, а его нет. Уже темно. Она старалась говорить спокойно; мне слышалось, как сопит в трубку. — Иди к охраннику, я выезжаю. — Он уже закрывает... — Скажи, я буду через пятнадцать минут. Захлопнула ноутбук. Телефон Дмитрия остался на столе. Приходилось оставить и эти слова про кольцо: дети не должны были ждать ещё и меня.

Глава 4

Лизу отправила в комнату разбирать рюкзак. Вернулась на кухню: ноутбук открыт, за столом муж. Сразу поняла, что уже видел чат. Он постучал пальцем по клавише. — Зачем трогаешь мой компьютер? Там рабочие файлы. — Эскизы искала. Тима просил макет нашего дома. Взяла кружку с чаем, чтобы занять руки. Дмитрий смотрел, пока не отпила. — На этом компьютере нет твоих эскизов. — Знаю. Не нашла. — Будь внимательнее, Марина. Рассеянность уже пугает. Он закрыл вкладку. Выходить из аккаунта не стал. Я смотрела на его руку у тачпада и кивала. Теперь даже забытый телефон он мог объявить моей рассеянностью. — Мне нужна помощь, — сказала я. — Вот именно. Он услышал то, что хотел. Я продолжала пить холодный чай, хотя раньше уже вылила бы его.

Я стояла у стола и пила остывший чай. Дмитрий подошёл со спины, положил руки на плечи. Разобраться, что я чувствую, не успела: дёрнулась, чуть не расплескав чай. Он наклонился к моей макушке. Одеколон я покупала ему сама, знала запах ещё до того, как открывала флакон в магазине. Теперь от этого знакомого запаха хотелось отвернуть лицо. — Ты слишком напряжена, детка, — сказал он возле уха. — Мне нужно, чтобы ты была рядом. Спокойной. Уверенной во мне. Мы справимся со всем этим стрессом вместе. Он говорил «вместе» и держал так, что мне пришлось переставить кружку на стол, прежде чем освободиться. Сняла с плеча его ладонь. Вторую он убрал сам. — Я хочу принять душ. И спать. Завтра дедлайн по тендеру, у меня болят глаза от монитора. — Конечно. Отдыхай. Я буду рядом. Вот именно этого мне и не хотелось. Я прошла в ванную и закрыла дверь, не проверяя, смотрит ли он вслед.

В три часа завибрировал его телефон. Я дотянулась до своего под подушкой; диктофон открылся на ярком экране. Прикрыла свет ладонью. Дмитрий ворочался, бормотал что-то себе под нос. Потом записал голосовое: — Уже соскучился, детка. Завтра всё решим. Не торопись. Положил аппарат и коснулся моей ноги коленом. — Сладких снов, Марин. Я ничего не ответила. Он перевернулся, снова засопел. Запись выключила только через минуту — нужно, чтобы осталось слышно, как он произносит моё имя сразу после чужой «детки».

Когда Дмитрий уехал, вернулась к ноутбуку. Артём, чьи контакты нашла ночью на форуме, написал: «Сохраняйте сессию. Переписку могут удалить». Открыла вчерашний чат. Прокрутила выше подаренного кольца. Там уже говорили про активы и раздел. Полина советовала вывести деньги до подачи иска, потом выкупить мою долю через других людей. Перечитывала по строке, ставила снимок рядом со следующим. Хотелось сразу переслать детям: вот кто больной. Конечно, не стала. Сохранила всё в папку для Артёма, добавила ночной разговор и архив домофона. В пометке написала: «Дети и мои проекты. С чего начинать?» Отправила. Телефон положила на стол и дождалась подтверждения, что файлы получены.

В спальне я остановилась возле его половины кровати. Простыня сбилась, подушка упала на пол. Вчера я подняла бы её и расправила всё, чтобы вечером нам было приятно лечь. Сейчас обошла кровать. Проверила на телефоне: архив отправлен Артёму. Придётся объяснить чужому мужчине, почему я рылась в вещах мужа. Он мог отказать, мог запросить деньги, мог счесть меня душой. Но файл у него уже был. Значит, я наконец сделала что-то, чего Дмитрий от меня не ждал.

Дмитрий заказал мне стейк, не спросив. В «Гранде» официанты любили такой порядок: мужчина решает, женщина благодарно улыбается. Я ножом надрезала край и увидела красный сок. Раньше он всегда уточнял, хорошо ли прожарено. Не потому, что боялся за здоровье; я не ела мясо с кровью и могла вернуть тарелку. Сегодня, видно, хотел проверить, верну ли. Партнёры должны были вот-вот подойти, а он уже нашёл, чем занять меня до их прихода.

— Ты всегда была капризной, Марин, — его голос был бархатным, обволакивающим. Он не смотрел мне в глаза, ковыряя вилкой салат. — Ешь, пока горячее. Партнёры скоро придут. Не позорь меня из-за глупостей.

Вернула вилку на край тарелки. Официант заметил, подошёл, но Дмитрий заговорил первым: — У нас всё хорошо. Рука мужа оказалась на моём плече. Я видела мокрый след на белой манжете — вспотел, хотя в зале работал кондиционер. Пальцы сжались через платье. Сколько можно держать улыбку, если тебе прямо сейчас больно? Посмотрела на официанта: он опустил глаза и отступил на полшага.

— Смотри, какие мы счастливые, — прошептал он мне прямо в ухо, так близко, что я чувствовала тепло его дыхания и сладковатый привкус мятной жвачки, которой он перебивал запах алкоголя. — Улыбнись. Мы же идеальная семья.

Улыбнулась ему и убрала его ладонь с плеча — аккуратно, будто поправляла платье. Официант ещё стоял рядом. Попросить другую прожарку можно было совершенно спокойно; я это знала и всё равно боялась собственного голоса. Дмитрий подождал улыбки и откинулся на стуле. Я решила: сейчас поем гарнир, а про запись поговорю там, где не будет детей и чужих глаз.

Дмитрий включил радио. Петь вместе, как прежде, не получалось. Через музыку даже спросить было трудно.

— Выключи, — сказала я.

Он не повернулся, лишь усмехнулся, глядя в зеркало заднего вида. Но не на меня. На дорогу.

— Опять эти твои нервы? — крикнул он через музыку, перекрикивая бас. — Ты стала такой раздражительной после того, как я сказал про отпуск? Может, тебе просто нужно выпаться, Марина? А не строить из себя жертву обстоятельств.

Я закрыла глаза. Но нос не обманешь. Воздух в салоне был спёртым, но сквозь него пробивался тонкий, почти неуловимый аромат. Жасмин. И что-то цитрусовое. Парфюм, который остался на лилиях и на его пальто. Запах Полины.

Я открыла глаза и посмотрела на подголовник пассажирского сиденья. В обивку у самого шва забился светлый волос. Я провела по нему пальцем: мой был темнее и короче.

— Дмитрий, — начала я, стараясь говорить ровно, поверх музыки. — Почему на подголовнике пахнет чужими духами?

Он выключил музыку и повернулся ко мне. Ответил сразу, без просьбы повторить.

— Ты нюхаешь воздух, как собака, — бросил он, и в его тоне не было шутки. Был диагноз. — Параноидальная фантазия, Марина. Тебе кажется, что вокруг тебя враги. Это симптом. Знаешь, как это называется? Галлюцинаторный бред.

Его слова ударили под дых. Он не оправдывался. Он ставил мне ярлык. Сумасшедшая. Удобно. Очень удобно для будущего юриста.

Мы приехали к подъезду. Лифт ехал вверх, монотонно гудя. На третьем этаже лифт остановился. В кабину вошла женщина в светлом пальто. Я отступила к стене, пытаюсь увидеть её лицо. Полина? Или соседка? Дмитрий сжал мой локоть, повернул к себе, и до нашего этажа я смотрела только на его воротник.

— Всё, приехали, — буркнул он, когда мы вышли на нашем этаже. Он целовал меня в макушку. Резко. Слишком сильно. Я почувствовала, как его губы оставляют след на моих волосах, липкий и чужой. Хотелось оттереть это место ладонью. Я дождалась, пока он отвернётся, и пригладила волосы.

— Я люблю тебя, — сказал он, входя в квартиру и захлопывая дверь. — Почему ты не веришь?

Глава 5

До трёх часов я смотрела на цифры часов. Дмитрий спал, иногда прижимался ко мне коленом, и я сдвигалась к самому краю. Он не просыпался. Удобно: у кровати два края, и только мне нужно решать, как на ней лечь. Когда за окном стихли последние машины, я нащупала телефон. Всё время боялась, что он откроет глаза именно сейчас.

В три часа ночи я тихо достала телефон. Экран подсветил комнату синеватым холодом. Я включила диктофон и положила аппарат на край тумбочки, микрофоном к открытой двери.

Через десять минут кровать скрипнула. Дмитрий поднялся. Босые ноги шлепали по ламинату. Я слышала, как открылась дверца холодильника, как зашуршала бутылка воды. Затем — тихий щелчок замка балкона. Он вышел туда.

Тишина длилась минуту. Потом я услышала его голос. Приглушённый, но четкий.

— ...она совсем съехала с ума... Да, врач подтвердил. Нужно срочно ограничить доступ к детям... Нет, она опасна. Она может навредить Тимуру... Завтра же отправлю заявление...

Ограничить доступ к детям. Я сдвинула телефон ближе к двери: только бы микрофон уловил остальные слова.

Балконная дверь скрипнула. Шаги вернулись в спальню. Дмитрий лёг обратно. Его рука легла мне на горло. Нежно. Весомо. Большой палец надавил у основания шеи. Я вцепилась в простыню, стараясь не закашляться.

— Ты не спишь? — спросил он в темноте. Его голос был мягким, как масло, и таким же скользким. — Тебе плохо? Я могу вызвать врача прямо сейчас. Ты знаешь, как я боюсь за твое здоровье, Марин. Мне тяжело видеть, как ты разрушаешься.

Я хотела оттолкнуть его руку. Но он уже приготовил врача — слышала своими ушами. Что я скажу, если тот приедет? Муж давил на шею, я испугалась? Он будет стоять рядом и гладить меня по волосам: «Видите, опять кошмары». Я вцепилась в простыню и ждала, чтобы он убрал пальцы. Воздуха хватало только на короткий вдох. Сколько он ещё так пролежит?

— Всё хорошо, — прошептала я. — Просто кошмар.

Убрал ладонь и устроился на подушке. Я осталась лежать у края. Телефон продолжал записывать; нащупала аппарат на тумбочке, остановила запись. До утра уже не усну, зато эту ночь не придётся потом пересказывать только по памяти. Дождалась, пока муж засопит, и сохранила файл.

Тимур ковырял ложкой кашу. Лиза листала телефон и ругалась на школьный чат: опять задают в последний момент. Я нарезала хлеб, промахнулась ножом по краю доски. Пальцы были целы, но пришлось положить нож — дрожали. Сын поднял голову.

— Мама, почему у тебя круги под глазами? — спросил сын, поднимая голову.

Прежде чем я успела ответить, Дмитрий перехватил инициативу. Он забрал мой телефон со стола, держа его высоко над головой.

— Мама плохо спит из-за работы над проектом, — сказал он, улыбаясь детям. Его улыбка была обезоруживающей, отцовской, надёжной. — Не приставай к ней, Тимур. Дай человеку отдохнуть. Она очень устала.

— Отдай! — Я попыталась встать, протянуть руку.

Муж держал мой телефон возле своей груди. Забрать можно было только через весь стол; Тимур сидел между нами. — Убери эту игрушку, она мешает есть. Он сказал это как замечание ребёнку. Я посмотрела на приборы у своей тарелки. Телефон взял он, а выглядеть упрямой должна была я.

Лиза подняла глаза и тут же отвернулась к окну. Я не знала, кому она верит. Хотелось, чтобы сказала хоть что-нибудь: «Пап, отдай телефон». Она молчала. Тимур размазывал кашу

по тарелке. Я опять села, иначе завтрак закончился бы криком при них. Дмитрий положил телефон возле своей чашки, экраном вниз. Забрать сама не решалась.

На работе правый угол плана никак не сходился. Проверила размер, потом отметку этажа — ошибку делала в собственной записи. Лена остановилась возле стола. Я подняла голову поздно; успела увидеть, как она смотрит на карандаш в моей руке.

Коллега, Лена, подошла с кофе. — Марин, всё в порядке? Ты бледная.

— Да, просто недосып, — соврала я. Голос дрогнул, и я отвернулась к окну.

Лена вернулась к своему столу. Я открыла страницу Артёма Волкова. Вчера уже писала ему, теперь перечитала, что он обещал восстановить. Нужны и удалённые записи. Мог ли Дмитрий стереть их раньше меня? Пока думала, банк прислал уведомление.

На экран телефона пришло уведомление от банка. Красная полоска, жирный шрифт. «Списание: 150 000 руб. Назначение: Консультация юриста по семейному праву. Получатель: ООО "Правовой щит"».

Сто пятьдесят тысяч. Из общих денег — адвокату, который будет доказывать, что детям со мной плохо. Я попробовала представить, что именно куплено за эту сумму: заявление, справка, убедительный голос в суде. У нас столько стоил отпуск, на который Дмитрий недавно сказал «не сейчас». На мой собственный уход денег у него хватило сразу. Переслала уведомление себе на почту, чтобы потом не искать его между расходами на школу.

Я написала Артёму сообщение. Одно предложение: «Мне нужно восстановить удаленные данные с сервера умного дома и облака iPhone. Срочно.»

Ответ пришел мгновенно: «Цена вопроса — 50 тысяч за час. Предоплата. Есть канал связи?»

Я согласилась. Деньги были не важны. Важна была правда. Даже если она будет стоить мне последнего.

Дмитрий принёс розы и сам поставил в вазу. Отодвинул мои чертежи, капнул на один водой. Я промокнула край салфеткой, он даже не заметил. Попросил сесть: хочет начать заново. Я оставила мокрую страницу сохнуть отдельно.

— Давай к психологу вместе, — предложил он. — Есть хороший специалист. Поможет с твоей тревогой. С паранойей. Он сел так, чтобы цветы оказались между нами. Я видела лицо над букетом и хотела сдвинуть вазу — слишком уютно было для такого разговора.

— Мне не нужен психолог, — я смотрела на розы, видя в них не цветы, а шипы. — Мне нужна правда.

Он подтянул к себе кресло, опёрся локтем на подлокотник. Обычная поза на совещаниях, когда ждёт от подрядчика оправданий.

— Марина, посмотри на себя, — его голос стал тихим, интимным. Таким тоном говорят с детьми, которые не понимают простых вещей. — Ты ведешь дневник подозрений. Ты проверяешь мои звонки. Ты потеряла сон. Ты не можешь работать нормально, потому что твоя голова занята мной. Это болезнь.

Он достал из внутреннего кармана пиджака сложенный лист бумаги. Положил передо мной.

— Если ты не согласишься на терапию и добровольную изоляцию от детей на время лечения, я буду вынужден обратиться в органы опеки.

Я развернула бумагу. Копия справки с печатью клиники. Рядом — заявление, подготовленное для подачи завтра. Заявление на временное ограничение родительских прав в связи с «эмоциональной нестабильностью матери, представляющей угрозу для физического и психического здоровья несовершеннолетних». Диагноз поставил врач, которого я никогда не видела. Фамилия незнакомая. Подпись Дмитрия — уверенная, красивая.

— Я не хочу забирать детей, — продолжил он, глядя мне прямо в глаза. — Но я не могу позволить им расти рядом с матерью, которая видит демонов в пустых углах и нюхает подголовники. Я защищаю их от тебя, Марин.

Я держала бумагу за угол, возле чужой печати. Врач меня не видел. Дмитрий видел каждый день и всё равно подписал. Где сейчас дети? В своих комнатах; дверь сюда открыта, он говорит почти обычным голосом. Если услышат слово «опасна», что запомнят? Я сложила заявление по старому сгибу. Не стала рвать — копия нужна мне больше, чем его эффектная реакция.

Погас свет. Я увидела только экран своего телефона на столе. Дмитрий не стал проверять, что случилось. Продолжил говорить в темноте, и мне это понравилось ещё меньше: ни паузы, ни удивления.

— Выбор за тобой, любовь моя, — голос Дмитрия звучал из темноты. Спокойно. Безжалостно. — Или мы идем к врачу, или я забираю детей на дачу до выяснения обстоятельств.

Щелчок замка на входной двери прозвучал как выстрел. Дмитрий запер её изнутри. Ключ повернулся дважды.

В темноте сидела у стола. Дмитрий стоял у двери; ключ звякнул в кармане. Телефон пока оставался у меня. Нужно успеть написать Артёму.

Я достала телефон. Вспыхнул экран, освещая мое лицо мертвенным светом. Не стала проверять выключатель. Я просто открыла чат с Артёмом и написала: «Заказ принят. Начинаем сегодня.»

Разговоры закончились. Началась охота.

Глава 6

У шлагбаума я опустила стекло. За машиной Артёма должны были пропустить и мою, но охранник поднял руку. Траву подстригли недавно; скошенные стебли прилипли к его ботинкам. Тимур любил бегать здесь босиком, и я вдруг вспомнила, как заставляла дворника собирать колючки. Теперь этот человек не выпускал ко мне моего сына. Я выключила двигатель. Дальше придётся говорить без стекла между нами.

— Господин Дмитрий сказал: никого, — его голос был тонким, скрипучим, как ржавый замок. — Особенно вас, женщина. У нас режим.

Вышла, оставила дверь открытой. Охранник взглянул на распечатку в моей руке, но забирать не стал. Я развернула нужную страницу сама: фамилия, адрес, доля. Вот на это он будет отвечать, а не на моё лицо после бессонной ночи.

— Марина Валерьевна Соколова, собственник тридцати процентов объекта по адресу... — я протянула ему распечатку договора, которую Артём подготовил утром. — Вы препятствуете доступу собственника к имуществу. Статья 19.1 КоАП. Полиция будет здесь через пять минут. Или вы хотите объясняться с ними?

Охранник сунул бумагу обратно мне в руки, даже не посмотрев. — Приказ был четкий: не выпускать детей. А пускать или нет взрослых — это уже другая история, госпожа. Но если я вас впущу, меня уволят без отработки. Так что проходите мимо, или уезжайте.

Я убрала бумагу. Полицией его не напугаешь: перед глазами у него моя фамилия в списке, а зарплату платит Дмитрий. Охранник шагнул к будке, разговаривая с кем-то в рацию. В проходе возле шлагбаума места хватало. Я пошла туда. Он крикнул, но догонять не стал. Артём остался у машины; увидел бы, если бы меня схватили.

Дмитрий ждал на крыльце. Дома я не раз просила его выйти встретить детей — обычно был занят. Сегодня вышел сам, стоял поперёк двери. Я остановилась на нижней ступеньке, чтобы ему не пришлось наклоняться ради своих гадостей.

— Ты выглядишь жалко, Марин, — он усмехнулся, не делая шага навстречу. — Истеричка. Соседи смотрят. Ты нарушаешь порядок, о котором тебе сказали вчера. Если ты сейчас же не уедешь, я вызываю полицию за угрозу жизни несовершеннолетних.

На крыльце я остановилась ровно настолько, чтобы он закончил. Документа с решением судьи он не показывал. Просто произнёс «порядок», и мне уже полагалось испугаться. В окне гостиной шевельнулась занавеска. Сын там. Я скажу ему, что приехала, даже если Дмитрий потом весь вечер будет рассказывать соседям про мою истерику.

Миновала его, боком, через оставленный проход. Он не схватил — на улице уже подняли телефоны. В гостиной ждала няня. Лизу он оставил у своей матери; сегодня я могла забрать хотя бы сына. Толкнула дверь, не попросив разрешения.

Тимур сидел на диване с медведем. Няня держала рядом его стакан, но он к воде не притрагивался. Смотрел на дверь. Увидев меня, прижал медведя к животу, будто я пришла отнять игрушку. Я не стала тянуть к нему руки. Показала, что приехала одна, что за мной только коридор.

— Тима, — я присела на корточки, убирая руки за спину. Не тянулась обнимать: он смотрел на меня так, будто ждал нового скандала. — Помнишь этого робота? Мы собирали его до того, как папа увёз вас.

Из рукава куртки я достала маленькую фигурку робота-трансформера. Тимур замер. Его пальцы дрогнули, тянувшись к игрушке, но затем отдернулись.

— Папа сказал, что ты сломалась, — прошептал он. Голос был тихим, сломанным. — Что ты можешь причинить боль.

Няня придвинулась к Тимуру. Он смотрел на неё, ожидая разрешения подойти ко мне. Я оставила робота на раскрытой ладони, чтобы мог взять сам.

Тимур шагнул ко мне. Я протянула ладонь, но он не успел дойти: в гостиную вошёл Дмитрий.

Он схватил Тимура за руку и резко потянул назад, к себе. Мальчик вскрикнул от боли и удивления.

— Эмоциональное похищение! — рявкнул Дмитрий, загоразивая собой сына. Его лицо исказилось от гнева, жилка на виске пульсировала. — Ты пытаешься увести ребенка силой! Это статья!

— Ты делаешь ему больно, — сказала я ровно. Мой голос не дрожал. Я достала телефон. Экран засветился ярким пятном в полумраке гостиной. — Послушай, Дима.

Я нажала play. Из динамика сочилась запись, сделанная мной несколько ночей назад, после находки брелока отеля. Голос Дмитрия, мягкий, интимный, адресованный Полине: «...она будет просить прощения на коленях, когда я заберу всё. А пока пусть играет в свои детективы. Она слишком предсказуема...»

Я убрала звук, но телефон оставила в руке. Дмитрий смотрел на него, потом на меня. На секунду захотелось продолжить запись: дослушай, ты ещё много про меня сказал. Но рядом был Тимур. Я нажала паузу. Дмитрий открыл рот и ничего не произнёс. Няня перестала поправлять медведя у сына на коленях. Вот теперь они все услышали то, что слышала я.

Дмитрий повернулся к окну. — Она врывается к детям! Психопатка! Галина, уведи Тимура! Няня посмотрела сначала на него, потом на мальчика. Я держала телефон ниже пояса: сыну не нужно было видеть, как дрожат мои пальцы.

Галина потянула Тимура вверх за локоть. Он вывернулся, прижал медведя к груди. Никого из нас не слушал, смотрел на отца. Он набрал воздух. Я успела только сказать «Тима», а он уже повернулся к отцу: собирался ответить сам.

— Она не сумасшедшая! — закричал Тимур. Голос ребенка, обычно тихий и послушный, сорвался на визг. — Папа врет! Он сам... он сам...

Слово застряло в горле. Дмитрий метнулся вперед, схватив сына за плечи. Его пальцы впились в ткань футболки. — Заткнись, — прошипел он, наклоняясь к лицу ребенка. — Ты сейчас пожалеешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.